

Летом 1979 года М.С. Горбачев, молодой по тем временам секретарь ЦК КПСС по аграрным вопросам, посетил в ходе визита в Новосибирск Научно-исследовательский институт земледелия и химизации Сибирского отделения ВАСХНИЛ, который находится в городе Краснообске.

После официальной встречи гостю предложили ознакомиться с музеем агроэкологии и охраны окружающей среды, созданным Виктором Степановичем Гребенниковым — анималистом-самоучкой (ныне научным работником института, энтомологом), большим патриотом охраны природы.

— Местная достопримечательность, — сказал секретарю ЦК директор института. — Не пожалееете, Михаил Сергеевич!

Ютился между тем музей в маленькой комнате, тесно заставленной стеклянными стеллажами с экспонатами. По стенам, вплотную друг к другу, — десятки полтора-двухметровых картин. Увидев их, Михаил Сергеевич оживился.

— Ой, как красиво! А что это такое?

Экскурсовод, жена Гребенникова Тамара Пименова, седая женщина лет пятидесяти, пояснила: это макропортреты насекомых — жуков, комаров, бабочек и стрекоз. Но не просто портреты, а попытка создать художественный образ насекомого, увидеть его характер и неповторимость, его сокровенную суть — в полете, в движении, в цвете. Увидеть скрупулезно, с научной достоверностью.

Самым удивительным в картинах был цвет. Сиял тусклым металлическим огнем жук-бронзовка — в полстены величиной. Михаил Сергеевич, увидев его, даже прищурил глаза, словно от яркого солнца. Поощрительно улыбнулся, после чего заулыбалась и вся свита. Переливались перламутром крылья стрекоз и бабочек. Казалось, нарисованные букашки светятся ярче белого листа ватмана.

чувства Виктора в лагере.

Прокурор же, добивавшийся расстрела для него (и для десятков подобных «преступников»), повесился. Хочется думать, что совесть заговорила. Хотя кто знает...

«Мне уже 64 года, но до сих пор снятся режимные сны. Будто времена изменились, и меня взяли досаживать мои 14 сталинских лет (в июне 53-го амнистирован с полным снятием судимости), и я снова в лагере, на этапе или на пересылке. И все это — живо, реально, с такой тоской о детях, о внуке, о незаконченных делах, недописанных книгах, со скорбью о всех несчастных, опять согнанных деспотами за колючую проволоку, что кошмары эти затем под дня не дают работать, сосредоточиться. И я подолгу живу одновременно в двух мирах — сегодняшнем и том, лагерьном».

◇

Тот лагерный мир начался для него зоной с именем «Первомайка». Содержались в «Первомайке» уголовники вперемешку с 58-й статьей. Выживали немногие. Пролетит месяц — поредеет народ, как деревья на лесоповале, одни пеньки останутся. Витины нары стояли у окна, и он видел по ночам, как вывозили за зону трупы на санях, легко влекомых однорогим черным быком. Вертухай, сдающий трупы (связка мерзлых полускелетов), отворачивал брезент, а принимающий считал их, с размаху пробивая острой железнодорожной кайлой шары стриженных черепов — для верности, чтоб не выехал кто живым, и для твердости счета. Везли до ближайшего отвала выработанной

в друге в круговерти сумасшедшего века. Жили, правда, родители плохо и трудно, хотя сначала (сразу после революции) еще в достатке.

Прочность и солидность дома олицетворяла старинная резная мебель, тяжелые золотые каминные часы, серебряные столовые приборы, сундуки с добром на взрослой половине. Чаша всенародного разорения и ограбления как-то обошла этот дом. Бедность наступила позже, в тридцатые годы, когда непрактичный и презрительно относящийся к «барскому добру» отец окончательно и бестолково обменял его на толкучке на муку и свиной смалец.

◇

В одной из надворных построек — отцовская мехмастерская. Чадит керосиновый движок, приводящий в движение трансмиссию и вал на огромных подшипниках под самым потолком. Отсюда ремни тянутся к станкам — токарному, вальцовочному, точноному, пилонасекальному. Счастливый, раскрасневшийся отец в матерчатом фартуке и защитных очках священнодействует в золотых искрах. Мама с досадой глядит на отца из окна веранды. «Пустил любезный Степан Иванович, пустил по ветру мое состояние! — говорит ее взгляд. — Сколько денег утроблено на все эти «бесшумные станки и аппараты для добычи золота! А ему все мало!» «Не бойсь! — взглядом на взгляд

кожаном шлеме выбросил за борт пачку листовок. Победа! Отец, Степан Иванович, испытывал, кроме общей радости, еще и свою — тайную, давнюю: режимный запрет на передвижение по стране скоро снимут, и он отправится продолжать испытания своего золотоносного прибора. Вскоре они и вправду купили билеты (только теперь без мамы) до города Миасса Челябинской области, будь он не ладен...

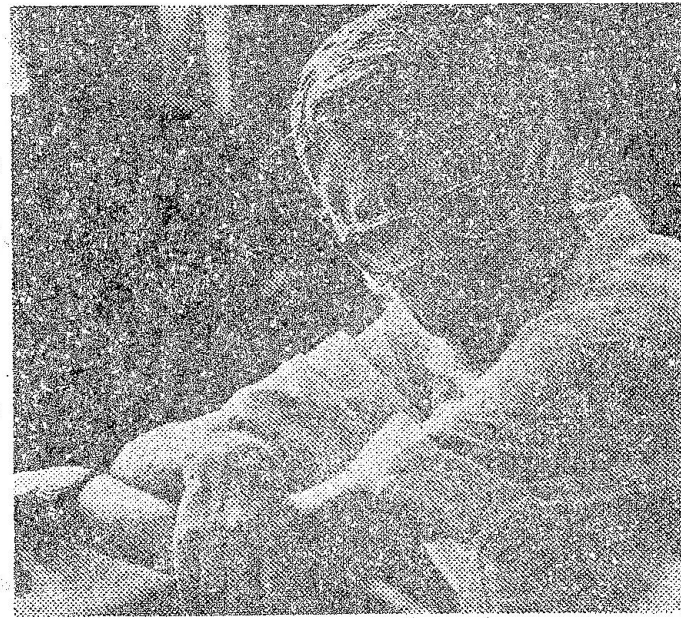
«... В Миассе лили дожди, и «сухой» добычи золота опять не получилось. Что тут сказать? Удачливый у меня отец! Мы совсем обнищали, стали «христарадничать», стучать в окна: «Хозяйка! Не надо ли чего лудить, примус отремонтировать?» Живали и в ночлежке, как бродяги, потом нас оформили в швейную промартель — отца механиком, меня секретарем-машинисткой. И вот отец в больнице с инфарктом (увидимся мы только в 1954 году), я — в Златоустовской тюрьме, потом в лагере. Я чудом уцелел, если можно назвать чудом

ла ждать его из лагеря, дожидались же с фронта своих женихов ее старшие подруги...

«За мной многие парни ходили, и хорошие попадались, а я его выбрала. Все у нас вышло по-настоящему. Даже начальник лагеря Лавров, я его тогда по глупости уважала, сказал мне однажды, когда узнал про переписку: «В этом человеке не ошибешься». Сестра, правда, недовольна была, хотя, как и он, сидела ни за что. Но узнав поближе, какой он человек, подкармливать Витю стала. А мы за пять лет с ним только виделись несколько раз и ни разу словом не обмолвились. Есть такая книга, «Пармская обитель», это про нас. Зона была в центре Кыштыма. Я поднимаюсь на пригорок, когда иду домой с работы, и машу ему рукой. Витя знал «мои часы» и тоже всегда кивал в ответ. Такой у нас вышел литературный роман... А на день рождения он передал мне через расконвоированных ребят подарок: мой, написанный маслом, портрет, я — в белой плассированной юбке, в красном берете. Как такого человека не полюбить? Мне Витю сам Бог послал...»

В. С. Гребенников. Автопортрет. 1957 г.

1991 г.

Фото А. КОЛОСОВА.

бота длится уже восемь лет, но выполнена едва ли ее половина. Здоровье и силы уходят, к тому же никому, кроме моей семьи, «Реликтовая степь», похоже, не нужна. Места для нее нет, не дали, вот бывшую раздевалку выделили. Не понимают — зачем я этим занимаюсь... И на самом деле, зачем? Для чего «Реликтовая степь»? Хотя бы для того, чтобы для потомков увековечить родные края. Напомнить людям III тысячелетия, какой чудесной, своеобразной была североказахстанская прерия еще сорок — пятьдесят лет назад. Правда, не дает мне покоя мысль: справедливо ли, что создается сферорама «на чужбине», вдали от великой степи, что лежала на границе Сибири и Казахстана?

Поднимаемся вдвоем с Гребенниковым на маленькую смотровую площадку в центре комнаты. Передо

и добился своего в 1972 году шмелиная страна была узаконена. Поляну под Исилюлем обнесли оградой и поставили тут металлический щит: «Экологический заказник. Запрещены проезд, косяба и выглатывание трав». Посрамленная районная власть внимательно поглядела на Гребенникова.

Глазами ее стали районные милиционеры. Они бесцеремонно заходили в квартиру, осматривали и трясли сосуды и пробирки с насекомыми. Попазли слухи о том, что Гребенников разводит микробов. Все это стоило ему немалых нервов.

И Виктор Степанович решил уехать. Вот почему «Реликтовая степь», прообразом которой послужила исилюльская земля, создается в бывшей раздевалке в Новосибирске.

... Опыты Гребенникова по сохранению и разведению шмелей в полевых условиях были замечены и поддержаны Академией наук СССР, Виктор Степанович стал почетным членом французского энтомологического общества Фабра. Ведущий канадский специалист по пчелам доктор Хоббс писал ему из Оттавы: «Если кому-то и удастся одомашнить шмелей для опыления клевера, так это только Вам».

... В Краснообске (здесь ему предоставили работу младшим научным сотрудником) Гребенников продолжил свои исследования, а также создал музей агроэкологии и охраны окружающей среды. Как сотрудник он устраивал административные институты, но как подвижник охраны насекомых и энтузиаст музея — начал раздражать. Все это ей казалось побочным, своего рода причудой, чудачеством. Вечная история! Почти никому в родной стране его страсть (она сделала бы ему имя и состояние в любом цивилизованном зарубежье) оказалась не нужна. За исключением разве что детей. Нестандартных людей мы не жалуем.

Сложилась странная ситуация. Исследователь как бы существует, люцерна и клевер дают удивительные урожаи по его технологиям, из Москвы приезжают удивлять-

НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН УМИРАЛ

Гость остался доволен экскурсией. Прощаясь, сказал сердечно:

— Какой талант этот ваш Гребенников!

Тамара Пименова, ждавшая этой минуты, решила обратиться к секретарю ЦК со своим наболевшим — не откажется же он ее выслушать. Но зоркий директор института опередил ее, загорюлд широкой спиной от Михаила Сергеевича... Значит, не судьба. К тому же сегодня утром Виктор Степанович, хорошо знающий характер жены, запретил ей жаловаться высокому начальству, как он говорил — «христарадничать». И она отступила.

Сам Гребенников на встречу с Горбачевым не пошел: разболелась почка. Сказалась также старая лагерная привычка: всегда подальше от начальства.

А зря не пошел. Вон как жизнь повернулась. Нарушь он тогда свои принципы, может, не пришлось бы спустя двенадцать лет напоминать о себе уже не молодому секретарю ЦК — Президенту СССР, спрашивать, не забыли Горбачев той экскурсии, тех сияющих жуков и стрекоз? Жуков, наверное, не забыл. Но как вспомнить человека, которого ни разу не видел?

Не отказывайтесь никогда от подарков судьбы...

Хлебные карточки

В 1947 году двадцатилетний Витя Гребенников стал уголовным преступником.

Его осудили на двадцать лет лагерей за «групповое хищение государственной собственности в особо крупных размерах».

История его преступления проста.

В тот скудный послевоенный год Гребенников, больной туберкулезом парнишка, работал делопроизводителем (проще говоря — секретарем-машинисткой) в швейной промартели города Миасса Челябинской области. Однажды он получил на весь коллектив пачку хлебных карточек, раздал их швеям и пригорюнился над своей един-

медной шахты, сбрасывали трупы в стволы.

Но вскоре по узкоколейке подгоняли новые товарные вагоны, и зона опять становилась многолюдной, как станция метро...

Выжить в лагере ему помогли эстонцы-политзаключенные.

Узнав, что Витя владеет карандашом, они просили его сделать «галерею» маленьких портретов (как бы фотографий), которые ухитрялись, минуя цензуру, отправлять на волю, в далекую милую Эстонию. Так зарабатывал он дополнительную пайку, которую уже не могли отнять бла- тари: из эстонского барака он не выходил несколько месяцев. Дистрофия, цинга начали отступать, потихоньку отступал и туберкулез...

♦

Уходя на свободу в 1958-м, он дал подписку родному Советскому государству о неразглашении всего испытанного. И молчал долгие годы, особенно при Леониде Ильиче, когда имя Сталина в партийных докладах опять вызывало овации. Только в конце восьмидесятых он решил поделиться о пережитом, напечатал несколько статей со своими рисунками в газетах и журналах.

В одну из газет недавно пришел такой отклик:

«Я, надзиратель Гребенникова, Ивашина (мне Виктор Степанович охарактеризовал его кратко — палач. — Д. Ш.), прочтя публикацию, до глубины души возмущен клеветой, которой облил меня и моих боевых товарищей этот бывший заключенный. Клянусь партбилетом, ничего подобного не было. Наоборот, это мы Гребенникова воспитали, он у нас художником стал...»

Кузнецик

Бес вас попутал, гражданин Ивашина! И как рука написала такое? Впрочем, ждать, что вас прошибет стыд за прош-

ответает жизнерадостный отец. — Еще не то будет!»

В 1940 году семья лишилась с легкой руки отца последней части дома (другие перед тем были им проданы кому по- пало). А вскоре тиран семьи заставил рыдающую жену и ребенка собираться в Кокчетав — насовсем! «Казахстан — это вещь! Будем проводить там испытания моего аппарата для сухой безводной добычи золота. И контейнер с вещами уже отправлен!».

На месте оказалось, что золота в Кокчетаве испокон добывали не рассыпное, из песков, что требовалось отцу, а рудное, вкрапленное в каменные породы. Отец энергично переадресовал багаж в Среднюю Азию: прочел в газете, что открыто новое месторождение, подходящее для его испытаний.

С этим месторождением вышел тоже большой конфуз.

Золота под Ташкентом, куда искудавшие Гребенниковы добрались только через три недели, не оказалось. Зато орудовала, говоря современным языком, ловкая мафия, «продукцию» которой отец распознал сразу. Микроскоп показал, что «рассыпное золото», найденное якобы на новом месторождении, суть опилки от банковских святков, слегка приплюснутые молотком на наковальне. Отец поднял шум.

Жулье пригрозило семье изобретателя расправой. Пришлось, побросав половину вещей и «изобретательского» оборудования, унести ноги. Решив вернуться в Крым, оставались еще небольшие деньги на покупку домика. Но деятельный отец настоял, чтобы семья сначала заехала погостить и набраться сил к его брату в городок Исилькуль Омской области. Добравшись в Исилькуль уже полумертвыми, не зная, что это насовсем, что Крым больше не выдать. Ибо стоял июнь сорок первого года.

♦

В Исилькуле — большой железнодорожный узел, через который в годы наступившей войны гнали еще дальше на восток, на переплавку, битую немецкую и нашу технику. И хотя составы охранялись красноармейцами, восьмикласснику Вите Гребенникову, как и другим мальчишкам, плевым делом было забраться на платформы с танками, автомашинами и орудиями. Самое ценное, конечно, уже было снято пацанами в более западных краях, но кое-что перепало и ему. Витю ин-

умение рисовать. Правда, рисовать людей оказалось куда утомительнее и безрадостнее, чем насекомых.

И они, насекомые, прилетали ко мне туда, за высокий ла- герный забор, принося на крыльщиках привет с воли, будя воспоминания о моей несбывшейся любви к зоологии. В этих жилых прямоугольниках, увенчанных вышками с часо- выми, появлялись милые моему сердцу желтушки и бодянки, бархатницы и голубянки, стрекозы и кузнечики. И даже небольшие бронзовки. А потом улетал дальше по своим делам сквозь колючую проволоку ограды — как я им завидовал...

♦

Было и подлинное чудо, благодаря которому Гребенников одолел неволю. Девушка по имени Тамара.

К его лагерю вплотную примыкала женская зона. Жизнь двух миров текла обособленно, лишь некоторые отважные мужики, презрев вероятную гибель, пробирались по ночам к своим подругам. Но все же имелось место, где зеки и зечки могли свободно увидеться и даже перекинуться парой слов: общая на обе зоны столовая.

Однажды Витя оказался рядом с женщиной в кирзовых сапогах и большом, с мужского плеча, бушлате, не первой молодости, — Лидией Ивановной, и та рассказала ему свою историю. Была кладовщицей в детдоме, склад с одеждой и бельем обворовали, ей приписали растрату и дали шесть лет. На воле у нее осталась родная сестра, Тамара, работает тут рядом, телефонисткой, хорошая девочка, получает копейки, но сестру не забывает, каждый месяц несет передачу.

Вскоре Виктора послали рисовать транспарант к годовщине Октября, и он забыл об этом разговоре. Мастерская — в помещении, где принимают посылки с воли и есть передаточное окошко. Он уже докрашивал на кумаче слово «Да здравствует», когда окошко отворилось, и в нем показалось милостивое, в кудряшках, лицо девушки, его ровесницы.

В одном из ответных писем Тамара спросила, как он понимает счастье и есть ли оно на свете? Думала — не ответит, обидится! У зека ли о счастье спрашивать? Но Виктор ответил, и так, будто давно готовился:

«...Это когда ты сам себе Бог и хозяин, всегда в своем до- му, не просишь ни о чем, не должен никому», как сказал Ломоносов о вольном кузнечи- ке. Мой идеал, не удивляйся, этот кузнечик. Еще в детстве я полюбил мир насекомых и восхищаюсь им по сей день. Но передать словами эту любовь не могу, пытаюсь — красками».

«Так мне ответил Витенька. Сидеть моему «кузнечику» оставалось еще долго». И впослед- ствии сладкой жизни не пред- виделось, попробуй устроиться в жизни со справкой об осво- бождении, с десятилеткой (хот- я дай Бог каждому такое об- разование), с издерганным ла- герным характером.

Я всегда потом мужем моим восхищалась, ой какой талант... И в микроскопы его глядела, чтобы понять его труд, и крас- ки за ним таскала по лесам да полям, когда ходили на этюды. И часами саушала отрывки из его ученых книг, ничего в них не разумея, — у меня ведь только семилетка, я простая женщина. Никогда ему не мешала: уйдет вдохновение — не поймашь. Я это понимала. Хо- зяйство вела, детей растила, не загружала его лишним. Если у человека есть душа, ее ува- жать надо, не тревожить зря чепухой и мелочами.

Никогда никому не говори- ла — вам скажу: однажды я втайне от мужа ездила в Омск (после лагеря мы поселились в Исилькуле, где прошло его детство), ездила к областной знаменитости, художнику Бело- ву — хлопотать о Витиной выставке, которую никак не давали открыт местные ху- дожники и деятели из управ- ления культуры, из зависти скорее всего. Или непонимания его труда, его музыки. «Самоуч- ка! Подумаешь, букашки-тара- кашки...» Белов меня выслу- шать не захотел, выпроводил из дома. Стыд. Хотя ему сты- диться надо, не мне. А потом, когда выставка открылась, но уже в Москве, на Междунаро- дном конгрессе по защите рас- тений, и завоевала там первый диплом и первую медаль, он попросил у меня прощения. И много лет с тех пор, с 1975-го, просит — не могу простить. А я и глядеть в его сторону не хочу. Одну бы меня обидел — не беда. За мужа не прошу!»

мной возникает пышное лу- говое разнотравье, плавно пе- реходящее в серебряную ко- выльную степь. Проем, в ко- торый мы только что вошли, исчезает и превращается в тропинку, ведущую к далеко- му горизонту. И тут я заме- чаю парящего под облаками живого орла! Виктор Степа- нович перехватывает мой взгляд, улыбается: «Сцениче- ская иллюзия, оформители знают этот фокус. Механизм скрыт оптикой».

Звери и насекомые — в каждом уголке этой необычной композиции. Но главной зада- чей Виктора Степановича было воссоздать исчезающие и ис- чезнувшие растения. В годы работы над сферорамой ему пришлось стать и геоботани- ком, и фотографом — отснять тысячи цветных слайдов в качестве исходного материала для «Реликтовой степи». При- годились Гребенникову и ас- трономические, и геодезические знания (увлечения исилькуль- ской юности) — без них невоз- можно было бы вписать в мно- гогранник весь видимый те- перь со смотровой площадки мир. Подготовился и, так ска- зать, «метеорологически»: ти- пы и высота облаков удовлет- ворят критический взгляд ученых. Все в сферораме дос- товерно и дотошно.

Что это — новое искусс- тво? Смесь ботаники, живопи- си, экологии, математики, звука (звучат записанные на пленку трели жаворонков и жуужжание шмелей), запахов (в комнате благоухают степ- ные травы, специально приве- зенные сюда из Исилькуля)? Не знаю. Знаю одно — это действует пронзительно, силь- но, мощно, как реквием по уходящей природе. И как у Моцарта — трагический мо- тив: за березовым перелес- ком — как бы чужой, чер- ный, перевернутый плутом пласт земли. Конечно, это подготовка к новому посеву, но даст ли он адекватную замену уничтоженному бо- гатству? Вечный вопрос про- гресса. И нет на него ответа. Только сердце щемит.

♦

Да, так все и было трид- цать восемь лет назад.

Когда Гребенников вышел из лагеря, они решили посе-

ся его портретами живой при- роды — и в то же время ис- следователя Гребенникова как бы нет. Нет ни моральной, ни материальной поддержки, нет понимания, нет даже кистей и красок — ничего нет.

Сферорама «Реликтовая степь» — его лебединая песнь в живописи-науке (введем этот термин), еще не завершен- ная, стала предметом новых нервотрепок. Обещанные сред- ства (в общем-то, гроши) ин- ститут не дал по причине... перехода на хозрасчет.

Был кирпичный домик рядом с НИИ, в нем уме- стились бы и сферорама, и музей, и подсобные помеще- ния, и давно задуманный Гребенниковым Центр ранне- го эколого-эстетического вос- питания детей. Президиум СО ВАСХНИЛ решил было отдать этот домик Гребенникову, но потом расче-л, что лучше раз- местить здесь склад сантехни- ки (конкретно — унитазов). Так и поступили.

Гребенников с превеликим трудом, без чьей-либо помощи создал под Краснообском пять микрозаказников насекомых. Один из них (этим заказником восхищались приезжавшие сюда американские экологи и посол Великобритании сэр Артур Киббл) попал под жи- лую застройку и был, естест- венно, уничтожен. В аккурат через другой заказник проло- жили сточную канаву. Еще один заповедник погубили ра- ди размещения на его месте картофельных посадок, адми- нистрация института не воз- ражала (и, наверное, мешка два клубней тут собрали). Се- годня все пять заказников не существуют — ликвидирова- ны.

Из открытого письма В. С. Гребенникова — агроэколога, энтомолога, художника, писа- теля, автора 150 научных тру- дов и ветерана труда Прези- денту СССР М.С. Горбачеву (копия в «Комсомольскую правду»):

«Михаил Сергеевич!

... Обидно осознавать, что

ственной — 400 граммов в сут-ки. Тяжело жить без родите-лей! Мама умерла, отец в боль-нице. Есть все время хочется, грудь болит от кашля. А еще нужно найти деньги на билет до Ашхабада или обменять на билет две буханки хлеба — целое состояние. В Ашхабаде — астро-физическая лаборатория, где высоко ценили его юношеские работы по метеорной астроно-мии и где его дожидался сам завлаб Астапович.

Думая так, он незаметно для себя, механически перерисовал хлебную карточку на листке бумаги. Получилось похоже. (Он еще не знал, что таит в себе талант художника-портре-тиста). Дома, запервшись на ключ, сделаа тушью точную копию. «Где взял?» — удиви-лась продавщица продмага, один раз уже отоварившая Ви-те талон. «На базаре купил». «Смотри, парень…» — и неуве-ренно протянула ему брусочек с довеском.

Наутро во дворе раздались чужие громкие голоса, затем в комнату ворвался милиционер с наганом, со всего маху уда-рил Витю рукояткой по затыл-ку, выстрелил, «чтобы сломить сопротивление», у самого его уха.

Гребенникову предъявили весь многотонный перерасход хлеба по городу, хотя спра-виться с изготовлением тако-го количества карточек не смогла бы и профессиональ-ная артель художников.

Преступление для голодно-го года было, конечно, серъ-езным. Но все же, когда пос-ле шести месяцев страшной Златоустовской тюрьмы про-курор сначала потребовал его расстрелять, а затем заклю-чить в лагерь на двадцать пять лет, Гребенников понял: жизнь кончена.

В последнем слове «главарь банды» пролетел: мне толь-ко исполнилось двадцать, вы мне даете больше, чем я про-жил. И горькая эта усмешка вдруг помогла: приговорили «всего» к двадцати годам.

Через месяц хлебные кар-точки в стране отменили, хлеб стал доступен. Представьте

лое, уже не приходится. И я хочу поговорить не о стыде, я хочу рассказать, гражданин бывший начальник, об истин-ных учителях вашего «воспи-танника» Гребенникова.

...Первым и главным учите-лем был Двор. Двор его отче-го дома в Симферополе: тихий, чистый, зеленый, с некошены-ми травами, запущенный — тем более прекрасный. Кто тут из птиц и насекомых только не гнезвился! Повсюду — среди крапивы, мяты, сладко пахну-щего болиголова — мелькали бабочки: бархатницы и пест-рянки, желтушки и адмира-лы. Но больше всего поло-бились мальчику замечатель-ные жуки-бронзовки — изум-рудно-золотые, парившие с металлическим звуком. А были еще и цветастые златки, и жу-ки-точильщики, издающие та-инственное тиканье, как часы. Неторопливо пробирался на ночную охоту огромный чер-ный жук на длинных члени-стых ногах — медляк-вещатель (предвестник, считалось, дур-ных событий, вроде черной кошки на дороге).

Бежать в дом — к картону и краскам! Успеть передать фор-му и цвет, насекомые такие нетерпеливые натурщики...

Все рисунки и хранимые детские «научные» описания его дворовых знакомцев — жучков-жуявок исчезнут при аресте на Урале в 1947 году, и он долго будет потом о них горевать.

◇

Странная это была семья.

Мать — дворянка, аристо-кратическое воспитание, тур-геневская грусть, отец — азартный механик-самоучка, ярый противник высшего об-разования, изобретатель с тре-мя классами церковно-приход-ской школы. Что их сблизи-ло? — недоумевал впоследст-вии Виктор и не находил, не будучи Платоновым, ответа. Впрочем, чего только рево-люция не наэкспериментиро-вала с человеческим матери-алом. А может, инстинктив-но потянулись друг к другу две крайние, полярные люд-ские породы, ища опоры друг

тересовали «останки» герман-ской оптики — лучше всего артиллерийские прицелы. Целые попадались редко, од-нако облазив пару десятков эшелонов, он стал обладате-лем целой коллекции отмен-ных цейсовских линз.

После уроков Витя убегал в исилькульские поля и пере-лески, рисовал с натуры, ло-вил жуков и диких пчел, та-щил их домой — разгляды-вать под микроскопом. Мик-роскопов было два, таких в магазине не купишь. Сам сма-стерил по отцовским черте-жам. Он был счастлив, как тогда, в зеленом крымском Дворе, в своем первом ма-леньком заповеднике. Вот только мама болела, и все не кончалась война...

Прокормиться в Исилькуле становилось все труднее и труднее. Начали отец с сыном изготавливать на продажу швей-ные иголки, отец сконструиро-вал специальную полуавтoma-тическую линию. (Не обмануло-таки дворянку предвидение, стал ее пролетарский муж все-таки кормильцем и опорой).

В самом конце войны, ког-да люди, несмотря на голоду-ху, начали улыбаться и даже вытаскивать из нафталина вы-ходные платья, Витина мама умерла от инсульта. То, что ему, 17-летнему парню, было по плечу — пятидесятиградус-ные (после Крыма) морозы, нужда, причуды отца — всего этого она в конце концов не вынесла. Трезвен-ник-отец после похорон жены, которую всю жизнь высмеи-вал и называл «ваше благо-родие», запил. Сын, пришиб-ленный этой смертью, забро-сил своих насекомых и, то-скуя о матери, «задрал оку-ляры вверх», на звезды.

...Однажды майским утром на центральную площадь Исилькуля приземлился само-лет-кукурузник, и летчик в

— Кому? — спросил вер-тухай-приемщик.

— Ивановой Лидии от сестры.

Это была та самая Та-мара. Она тоже заметила Ви-тю — и теперь они смотрели во все глаза. Понравились, что ли, друг другу? Пройдет много лет, но этот взгляд че-рез лагерное окошко не за-будется — как напоминание о юности, благодаря кото-рой два молодых человека без слов угадали и поняли друг друга. И тогда же, по-ка приемщик заполнял посы-лочную квитанцию, молча выбрали свою судьбу...

◇

Вскоре из лагеря девушке начали приходить письма. Она не удивилась этому, жда-ла их. (Адрес Витя выпросил у Лидии. Та дала неохотно: «Зачем Тамаре долгосроч-ник?»). И приходили затем аккуратно, каждые две неде-ли, в течение пяти лет — до того солнечного июня 53-го, когда Гребенникову объявили об амнистии.

Таких писем она никогда ни от кого не получала.

Витя ни о чем не просил, ни на что не жаловался, не клялся в любви, как парни с танцплощадки, а рассказы-вал Тамаре удивительные для заключенного вещи: о жизни леса, о повадках жу-ков и муравьев, о крымской флоре и фауне, о море, кото-рого она никогда не видела. И по этим восторженным письмам обреченного челове-ка (сидеть ему семнад-цать лет), где каждая строч-ка врезалась в память, но не было вздохов и комплимен-тов, и которые кончались не-изменным: «Искренний твой друг Витя», она поняла: ей впервые пишут, как близко-му человеку! И Тамара реши-

Реликтовая степь

У в хода в Институт земле-делия Сибирского отделения ВАСХНИЛ в Краснообске, с которого мы начали рассказ, рядом с турникетом, где си-дит вахтерша, есть непримет-ная маленькая дверь в стене.

Здесь, в тесной каморке, находится вторая, главная часть гребенниковской экспо-зиции (малая часть, которую когда-то осматривал Горба-чев, на третьем этаже ин-ститута). Здесь — труд, кото-рому он и его семья отдают вот уже много лет все сво-бодное время: сферорама «Реликтовая степь». Фото-пленка не в силах передать это живописное чудо, поэто-му прошу самого Виктора Степановича, уже седобородо-го старика, рассказать о сво-ем дитище.

— Идея написать панора-му не тронутой человеком природы пришла мне давно, когда еще началась распах-ка (иными словами — унич-тожение флоры) целинных земель под моим родным Исилькулем. Но как найти форму для такой необычной работы? Круговая панорама? В нее не войдут небо, обла-ка, растения будут «плоски-ми» — а мне хотелось соз-дать объемную, как бы сте-реофоническую живопись. Долго ломал голову и однаж-ды понял: формой должен быть многогранник, прибли-жающийся к сфероиду, а ес-ли точно — 26-гранник. В сферораме все пространство будет зримо, почти осязае-мо. И я начал осуществлять этот замысел. Живописью предстояло заполнить 140 квадратных метров сфериче-ской оргалитовой конструк-ции, которую мы собрали вместе с сыном Сергеем. Ра-

литься с женой в тихом си-бирском городке Исилькуле, где прошло его детство, где могила матери, а люди нелю-бопытны.

Он работал весовщиком на вокзале, а по воскресеньям брал сачок и рюкзак, вешал на шею бинокль и отправлял-ся к дальним полянам и опушкам, где одного взмаха сачка было достаточно, что-бы заполучить десятки жи-вых сокровищ. Вернулась детская страсть — изучать насекомых. Стал выписывать из столицы все энтомологиче-ские книги и журналы.

Беда для него пришла вме-сте с радостью для других: началась целинная эпопея. Под распахку попали целые деревни и даже кладбища. Ветер поднимал и гнал су-хую плодородную почву на сотни километров. Пыльные бури уничтожали березовые поляны, сохли травы, погибали насекомые, санитары ве-ликой степи.

Погибло, правда, не все. Од-нажды вместе с сыном Серге-ей они набрали километ-рах в пятнадцати от Исилькуля на большую холмистую поля-ну, которая гудела, как аэрод-ромное поле: шмели.

Гребенников знал: сюда, на эту поляну, в ближайшие дни приедут косцы, и под их друж-ными «литовками» падут травы, и шмелиные семьи перейдут на голодный паек. И в конце концов погибнут. А ведь шме-ли нужны сельскому хозяйст-ву, они — природные опылите-ли растений. Энтомологи давно требуют: для таких насекомых хорошо бы устраиать малень-кие охраняемые участки — за-поведники или микрозаказники. Он решил рассказать о шмели-ной поляне в райкоме партии.

Там рассказу чудного весов-щика посмеялся. Вел бы речь о заповеднике для косуль, для зайцев — понятно. А что та-кое заказник для шмелей? Юм-морист...

Виктор Степанович поехал в областной центр, списался с учеными-энтомологами Москвы

мой труд (убежден — нужный стране и людям) оскверняется и насильственно девальвиру-ется, вдвойне обидно, что на шестом году объявленной ва-ми перестройки и нового мышления.

Мне уже 64 года, со здо-ровьем плохо — сталинские лагеря не отпускают своих узников. По всему видать, мне не закончить моей сферорамы, не передать многие мои кар-тины людям, не довести задуманные исследования и книги до конца.

Я никогда ни о чем не про-сил. И если сегодня нарушаю эту свою традицию, то только потому, что прошу не для се-бя. Мне труднее всего прими-риться с тем, что я не могу создать свой Центр экологи-ческого воспитания детей, как того хотят сотни родителей нашего города. У меня есть пятилетний внучок Андрю-ша, он уже перенял у деда основы экологического миро-воззрения, но меня ведь вол-нует душа не только Андрю-ши.

Куда я только не обращал-ся с идеей Центра, какие по-роги не обивал — везде на-талкивался на равнодушие и нежелание хоть как-то ма-териально помочь его созда-нию. Ведь такой Центр, эколо-гическую школу, по сути дела, на голом энтузиазме не по-строишь — нужны пособия, помещение, хоть какое-то обо-рудование. Осталось обра-титься к Президенту страны.

Если и тут ничего не удаст-ся, я не вижу иного для себя выхода, кроме добровольного ухода из жизни.

Сделаю это 1 сентября. До этого дня жду Вашего ответа.

Извините за скверную бу-магу, другой нету.»

Дмитрий ШЕВЧЕНКО.